

.

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2986>]

[. 2010: :] // :
100- / . . (. .). . II. ,
, 77-80.

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

VII. АНТИЧНЫЙ ГОРОД: СФЕРА САКРАЛЬНОГО И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

М. Бёме

(г. Бремен, Германия)

Тесей и основание Афин

В 431 г. до н.э. войско спартанцев вместе с союзниками под предводительством Архидама находилось вблизи от границ Аттики. Последние попытки Спарты и Афин договориться дипломатическим путем потерпели неудачу, после того как спартанского парламентаря даже не впустили в город. Фукидид сообщает, что вместо этого Перикл, в то время один из десяти стратегов, призвал сельское население, жившее за пределами города, спасти себя и свое имущество, укрывшись в безопасном месте – за Афинской стеной. Фукидид подчеркивает, как тяжело далось ἀνάστασις жителям Аттики, ведь они всю свою жизнь прожили в сельской местности¹. Последнее замечание дает возможность греческому историку включить в дальнейшее повествование экскурс о раннем времени Афин. Исследователи часто и активно ведут споры об этом периоде.

«Такой образ жизни, более характерный для них, чем для других эллинов, афиняне вели с давних пор. Действительно, еще при Кекропе и первых царях до Тесея народ в Аттике всегда жил отдельными общинами со своими особыми пританеями и архонтами. На общие совещания к царю люди собирались лишь в исключительных случаях. Обычно же каждая община самостоятельно обсуждала и вершила свои дела. [...] Как мудрый и могущественный владыка Тесей, воцарившись, установил порядок в стране – уничтожил пританы и архонтов отдельных общинах и объединил всех жителей Аттики в один поныне существующий город с одним общим советом и пританеем. Люди, впрочем, продолжали жить на своих полях, как и раньше, но город Тесей оставил им только один, ставший крупным центром, так как все жители Аттики отныне принадлежали к нему, и таким он и перешел от Тесея к потомству. Поэтому-то афиняне еще и поныне справляют Синойкии – всенародный праздник в честь богини Афины» (Пер. Г.А. Стратановского)².

Комментируя этот пассаж Фукидида, Саймон Хорнблауер метко различает *политический* синойкизм Тесея и *физический* синойкизм Перикла³. Первый перенес политические институты, последний инициировал фактическое переселение сельских жителей в город Афины. Таким образом, Фукидид устанавливает тесную связь между обоими афинянами, превращая Перикла прямо-таки во второго Тесея. Также о тесной связи между событиями второй половины V в. до н.э. и якобы имевшим место синойкизмом Афин при Тесее⁴ свидетельствует то, что отмеченный экскурс о Тесее составляет центр классической кольцевой композиции – *χαλεπῶς ἐγίγνετο* (начинающейся с четырнадцатой главы второй книги и заканчивающейся шестнадцатой главой)⁵. Поэтому для последующих заключений важно, чтобы при интерпретации образа Тесея у Фукидида постоянно учитывалось и то, как последний оценивал политику Перикла.

¹ Thuc. II. 14. 2; ср.: II. 16. 1.

² Thuc. II. 15, 1-2: *ξυνεβέβηκει δὲ ἀπὸ τοῦ πάντων ἀρχαίου ἐτέρων μᾶλλον Ἀθηναίοις τοῦτο. ἐπὶ γὰρ Κέκροπος καὶ τῶν πρώτων βασιλέων ἢ Ἀττικῆ ἐς Θησέα αἰεὶ κατὰ πόλεις ἄκείτο πρυτανεΐα τε ἐχούσας καὶ ἄρχοντας, καὶ ὅποτε μὴ τι δείσειαν, οὐ ξυνῆσαν βουλευσόμενοι ὡς τὸν βασιλέα, ἀλλ' αὐτοὶ ἕκαστοι ἐπολίτευον καὶ ἐβουλευόντο. [...] ἐπειδὴ δὲ Θησέας ἐβασίλευσε, γενόμενος μετὰ τοῦ ξυνοικοῦ καὶ δυνατὸς τὰ τε ἄλλα διεκόσμησε τὴν χώραν καὶ καταλύσας τῶν ἄλλων πόλεων τὰ τε βουλευτήρια καὶ τὰς ἀρχὰς ἐς τὴν νῦν πόλιν οὖσαν, ἐν βουλευτήριον ἀποδείξας καὶ πρυτανεΐον, ξυνέκτισε πάντας, καὶ νεμομένους τὰ αὐτῶν ἑκάστους ἄπερ καὶ πρὸ τοῦ ἠνάγκασε μὴ πόλει ταύτῃ χρῆσθαι, ἢ ἀπάντων ἤδη ξυντελούντων ἐς αὐτὴν μεγάλη γενόμενη παρεδόθη ὑπὸ Θησέας τοῖς ἐπειτα καὶ ξυνοίκια ἐξ ἐκείνου Ἀθηναῖοι ἔτι καὶ νῦν τῇ θεῷ ἑορτὴν δημοτελῆ ποιοῦσιν.*

³ Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. 1. Oxford, 1991. P. 259.

⁴ О Тесее и афинском синойкизме см. в особенности: *Diamant S. Theseus and the Unification of Attica // Studies in Attic Epigraphy, History and Topography presented to Eugene Vanderpool by members of the American School of Classical Studies. Princeton, 1982. P. 38-47 (Hesperia Supplements. 19); Davie J.N. Theseus the King in Fifth-Century Athens // Greece & Rome. 1982. №1. P. 25-34; Gousschin V. Athenian Synoikism of the Fifth Century B.C., or Two Stories of Theseus // Greece & Rome. 1999. №2. P. 168-187; Walker H.J. Theseus and Athens. Oxford, New York, 1995; Welwei K.-W. Die Staatswerdung Athens. Mythos und Geschichte // *idem*. Polis und Arché. Kleine Schriften zu Gesellschafts- und Herrschaftsstrukturen in der griechischen Welt / Hrsg. M. Meier. Stuttgart, 2000. S. 162-187 (Historia-Einzelschriften, 146).*

⁵ См.: Hornblower S. Op. cit. P. 259.

Тем не менее, раз за разом предпринимались попытки рассматривать пассаж Фукидида изолированно, несмотря на его терминологию, однозначно относившуюся к V в. до н.э., и искать в нем отражение фактического, исторического синойклизма Афин. Последний датировался разными исследователями от микенского времени до IX в. до н.э.⁶ Не говоря уже о том, что археология до сих пор не подтвердила афинский синойклизм⁷, с моей точки зрения экскурс о Тесее ни в коей мере не пригоден для реконструкции ранней истории Афин. Напротив, он получает смысл *исключительно* на фоне политических событий и политического устройства Афин в V в. до н.э. Разумеется, это уже давно признавалось во многих исследованиях, однако значение фигуры Тесея для политической борьбы в Афинах в V в. до н.э. все еще остается спорным. При этом важную роль играет то, что при интерпретации литературных и археологических данных исходят, как правило, из представления о Тесее как об абсолютном монархе (прежде всего, у Фукидида и следующей за ним аттидографии) и как о демократе (например, в *Ἰκέτιδες* Еврипида)⁸. Можно процитировать Джона Дейви, чтобы проиллюстрировать, с какими сложностями сталкиваются здесь историки: «Эта связь Тесея с интересами афинского народа привела к высказанной Еврипидом (вероятно впервые) идее о том, что настоящим основателем демократии в Аттике был Тесей. Эта идея породила значительные трудности, ведь она противоречит традиции царствования Тесея»⁹. В отличие от Джона Дейви, я полагаю, что несоответствия представлений о Тесее в V в. до н.э. не было. Напротив, можно аргументировать, что в Афинах со времен греко-персидских войн утверждался *один* образ Тесея. Этот образ служил оружием политических дебатов, в процессе которых на основе представлений о демократическом царе формулировались аристократические интересы.

Принципиальные соображения о функции политической стабилизации, которую имели такие дебаты (на них проходило обсуждение тирании или демократии), недавно представила на примере Римской империи в своей диссертации Клаудиа Хорст¹⁰. На основе анализа того, как определялась демократия во времена Империи, она смогла доказать, что якобы «антикварные» речи так называемой второй софистики выполняли важную политическую функцию, постоянно оценивая императора исходя из представлений о хорошем властителе. Результаты, полученные К. Хорст, являются отправной точкой для тезиса, что такое обсуждение власти велось уже в драме и историографии V в. до н.э. и что при этом центральную роль играл, прежде всего, образ Тесея, как будет показано в дальнейшем.

Уже обсуждавшийся пассаж Фукидида о Тесее (II. 15) на первый взгляд действительно дает основания предположить, что Тесей выступает в роли абсолютного суверена, среди полномочий которого – возможность распускать административные учреждения отдельных аттических городов и принуждать их пользоваться своими политическими правами исключительно в пределах Афинского полиса. Однако если рассматривать этот пассаж в общем контексте и принимать всерьез связь между повествованием о Тесее и традицией о Перикле (установить которую было целью Фукидида), то возникает более дифференцированная картина. А именно, полного отказа от демократии у Фукидида в другом месте его сочинения совершенно не чувствуется. Так, например, в эпитафии Перикл с определенной гордостью отмечает различия между афинским устройством, основывающимся на свободе, и спартанским¹¹. Критика демократии у Фукидида скорее направлена против нерешительности демоса и против его простатов, которые идут на поводу народа, чтобы укрепить свое собственное влияние¹². Напротив, в глазах Фукидида особый талант Перикла заключается в его чрезвычайной *πρόνοια* и в способности возвра-

⁶ См.: *Hornblower S. Op. cit. P. 259.*

⁷ См. *Ibid. P. 264*: «To sum up, Th.'s Bronze Age or Mycenaean date for some sort of political unification has not been either 'proved' or 'disproved' by archaeology».

⁸ См. об этом ниже.

⁹ *Davie J.N. Op. cit. P. 28* (ср. прим. 5),

¹⁰ См.: *Horst Cl. Marc Aurel – Der Philosophenkaiser. Zur politischen Macht eines Bildes in der Zweiten Sophistik. Diss. Bremen, 2008* (в печати). О представлениях в период империи о демократическом императоре см. в особенности: *Eadem. Demokratie als Herrschaftsform – Zur politischen Funktion des Demokratiebegriffes in der Kaiserzeit. Eine Interpretation der Reden von Agrippa und Maecenas (Cass. Dio. LII.1-41) // Volk und Demokratie im Altertum / Hrsg. V.V. Dement'eva, T. Schmitt. Bremen, 2009* (Bremer Beiträge zur Altertumswissenschaft. Bd. I; в печати).

¹¹ См. об этом: *Will W. Thukydides und Perikles. Der Dichter und sein Held. Bonn, 2003. S. 203-208* (Antiquitas. Reihe 1; Bd. 51).

¹² См.: *Ibid. S. 218.*

жать народу, вести его к правильным решениям. Тем самым, как полагает Жаклин де Ромийи, Перикл, в отличие от иррациональной массы, воплощает разум¹³. Этот мотив совершенно явно обнаруживается также у Плутарха. Однако Фукидид не ограничивается критикой, помимо этого он также предлагает решение. А именно, в своем знаменитом высказывании о демократии «По имени это была демократия, но в действительности власть первого человека»¹⁴ историк пропагандирует, говоря словами Вольфганга Вилля, «новую модель государства, аристократическое господство внутри демократического»¹⁵. Такое примирение между аристократией и демократией, которое, с одной стороны, благодаря *πρόνοια* ее вождей препятствует превращению демократии в охлократию, а с другой стороны, благодаря наличию самостоятельных институтов власти не дает аристократии превратиться в тиранию, на мой взгляд, свидетельствует о том, что Фукидид вовсе не хотел изобразить Тесея как абсолютного правителя, власть которого основывалась на принуждении и подавлении демоса. В связи с этим показательно, что Тесея уже во времена Клизфена часто могли изображать на входивших в моду «кубках Тесея» в позе убийцы тирана¹⁶.

В результате того, что образ Тесея все менее связывался с тиранией, этот царь в течение V в. до н.э. начинал идентифицироваться с молодой афинской демократией. Однако при этом выясняется, что «демократический нимб» Тесея являлся следствием самовосприятия аристократии. Охотно цитируемым примером образа Тесея-демократа являются *Ἰκέτιδες* Еврипида. В стихах 346-353 Тесей произносит следующие слова:

Итак, за дело! Мертвых
Уговорю вернуть им. Но в запасе
И меч у нас. На милость божью тоже
Теперь-то есть надежда... Только воля
Афинского народа на поход
Должна быть нам. Хоть за моей, я знаю,
Пойдут они, но если обсудить
Я дам им это дело, то охотней
Они пойдут.
И разве я не сам
Освободил народ и граждан созвал
Из подданных?¹⁷
(Перевод И. Анненского)

У Еврипида аристократические и демократические элементы образа царя также тесно переплетаются. Тесей предстает как выразитель мнения афинян, который, хотя и принял уже решение, одновременно считает необходимым получить одобрение у народного собрания. Участие демоса в решениях своего вождя очень ясно видно также в биографии Тесея, написанной Плутархом. Следуя за Фукидидом, Плутарх в 24-й и 25-й главах также сообщает о проведенном царем синойклизме, но сообщает и дополнительные детали. В его повествовании Тесей обещает афинянам демократию, в которой он «хочет быть только предводителем на войне и хранителем законов, и все будут пользоваться равным правом»¹⁸. Далее, важно то, как Плутарх ограничивает круг лиц, к которым были обращены эти слова. А именно, речь идет только о *δυνατοί*, то есть аристократах¹⁹. Следовательно, цель введения Тесеем демократии состоит в конечном счете в том, чтобы другие аристократы участвовали в управлении общиной. Это становится еще очевиднее, когда Плутарх сообщает, что Тесей первым отделил друг от друга три сословия, ари-

¹³ Romilly J., de. Der Optimismus des Thukydides und das Urteil des Historikers über Perikles (Thuk. II 65) // Perikles und seine Zeit. Hrsg. G. Wirth. Darmstadt, 1979. S. 290-312 (Wege der Forschung, Bd. 412); Eadem. Les intentions d'Archidamos et le livre II de Thucydide // Revue des Etudes Anciennes. 1962. №64. P. 287-299.

¹⁴ ἐτίγνετό τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρός ἀρχή (Thuc. II. 65. 9).

¹⁵ Will W. Op. cit. S. 218.

¹⁶ См.: Davie J.N. Op. cit. P. 26.

¹⁷ Eur. Suppl. 346-353: δράσω τάδ'· εἶμι καὶ νεκρῶς ἐκλύσομαι / λόγοισι πείθων· εἰ δὲ μή, βία δορὸς / ἤδη τόδ' ἔσται κοῦχλ' σὺν φθόνῳ θεῶν / δόξει δὲ χρήζω καὶ πόλει πάσῃ τόδε. / δόξει δ' ἐμοῦ θέλοντος· ἀλλὰ τοῦ λόγου / προσδοῦς ἔχοιμ' ἂν δῆμον εὐμενέστερον / καὶ γὰρ κατέστησ' αὐτὸν ἐς μοναρχίαν / ἐλευθερώσας τήν δ' ἰσόψηφον πόλιν.

¹⁸ Plut. Thes. 24. 2: αὐτῷ μόνον ἄρχοντι πολέμου καὶ νόμων φύλακι χρησομένην, τῶν δ' ἄλλων παρέξουσιν ἅπασιν ἰσομοιρίαν·

¹⁹ Plut. Thes. 24. 2.

стократию, крестьян и ремесленников, и поручил каждому выполнять свои задачи. Причина *разделения граждан на сословия состоит, по мнению Плутарха, в следующем: царь старался, чтобы «его демократия из-за наплыва неорганизованной толпы не превратилась в беспорядочную»*²⁰. Таким образом, у Плутарха Тесей предстает как основатель не радикальной афинской демократии, а политического устройства, в котором интересы аристократии соблюдаются с помощью демократических институтов²¹. Исходя из уже приведенных данных Еврипида я хотел бы предположить, что такой взгляд существовал уже в V в. до н.э.

Подводя итоги, можно отметить, что Тесей, хотя и был как панафинский герой в V в. до н.э. относительно молодой фигурой, для постоянной борьбы афинян за образцовый политический строй представлял собой идеал. Однако при наделении монарха Тесея демократическими атрибутами ни в коем случае не был найден выход из затруднительного положения традиции, которая должна была примирить друг с другом два якобы противоречивших друг другу представления о Тесее. Абсолютный суверен Тесей так же слабо был отмечен в предании, как и радикальный демократ Тесей. На мой взгляд, представление о демократическом царе скорее было результатом потребности афинской аристократии, с одной стороны (на фоне опыта тирании), препятствовать слишком значительному росту власти отдельных политиков, а с другой стороны, не оставлять демократию предоставленной самой себе для того, чтобы не оказаться под властью настроений и сиюминутных интересов демоса. Демократический элемент образа Тесея в V в. до н.э. в конечном счете оказывается аристократическим. То, что Фукидид употребляет эти понятия почти как синонимы, показывает его высказывание о демократии, когда он оценивает усилия Перикла, пытавшегося связать оба элемента (демократию и аристократию) воедино.

Изложенное позволяет нам считать, что положение excursus о Тесее во второй книге Фукидида делает невозможными поиски в нем информации об историческом афинском синойклизме. В конечном счете, такая интерпретация вызвана неправильной этимологией термина *συνοικία*, который вероятно обозначал первоначально праздник, праздновавшийся четырьмя филами до Клисфена и относительно поздно связанный с героем Тесеем²². Поэтому у Фукидида могла возникнуть мысль, при опоре на упоминание *συνοικία*, сделать заключение об афинском синойклизме и связать его с деятельностью Тесея. Однако, в конечном счете, обнаруживается стремление Фукидида показать причины того, что его родной город достиг столь значительных размеров. При этом *политический* синойклизм Тесея был превзойден синойклизмом Перикла еще и тем, что Перикл, предвидя опустошение Аттики спартанцами, инициировал *фактическое* переселение сельского населения внутрь стен Афин. Тем самым, восхищаясь Периклом, Фукидид получал возможность представить его как второго Тесея: если бы Перикл не умер так рано, Пелопонесскую войну можно было бы выиграть.

²⁰ *Plut. Thes. 24. 2.*: οὐ μὴν ἄτακτον οὐδέ μεμειγμένην περιείδεν ὑπὸ πλῆθους ἐπιχυθέντος ἀκρίτου γενομένην τὴν δημοκρατίαν [...].

²¹ См. об этом также: *Böhme M. Plutarch und die attische Demokratie // Volk und Demokratie im Altertum...*

²² См. об этом: *Welwei K.-W. Op. cit. S. 163f.*